

Раздел 3

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В. И. Цепилова

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 20–30-х гг. XX в.

Историко-научное сообщество русского зарубежья оставило богатое литературное наследие, в том числе и историографического характера. Частично эта проблема рассматривалась в контексте работ В.Т. Пашуто, М.Г. Вандалковской, Е.П. Аксеновой¹, однако предметом специального анализа не стала. Более того, трудно согласиться с мнением Е.П. Аксеновой о том, что в «...изданиях русской эмиграции критика носила случайный характер»². Цель данной статьи — выявить специфику и проанализировать историографические работы русского зарубежья.

Обращение историков-эмигрантов к историографии, на наш взгляд, было закономерным явлением и может быть объяснено рядом причин. Прежде всего, к анализу выходящей в свет литературы подталкивал теоретико-методологический кризис науки рубежа веков, проявлением которого стало отрицание исторического прогресса, формирование новых направлений и научных школ. В частности, большую роль в повышении интереса к историографическим вопросам сыграли работы О. Шпенглера, евразийцев, в рамках критики которых историки обращались к теоретическому наследию дореволюционной России. Идеи поступательного развития, закономерности исторического процесса, характерные для методологии позитивизма, в рамках которой рассматривалась история России,

также переживали кризис, поскольку с этих позиций трудно было объяснить происшедшие в стране события.

Внимание к историографии обуславливала специфика научного творчества зарубежья: оторванность от архивов, отсутствие в ряде случаев необходимой специальной литературы и первоисточников для продолжения собственных научных исследований, разобщенность, интересы национальных исследовательских центров, с которыми сотрудничали или в которых работали эмигранты. Как ни парадоксально, эти трудности создавали благоприятные предпосылки для историографического анализа.

Существенную роль играла психологическая мотивация. Эмигранты рассматривали свое пребывание в странах рассеяния как «временную командировку», после которой, вернувшись на Родину, предстоит отчитаться, насколько продуктивно они использовали пребывание за границей. Поэтому историографические работы рассматривались как своеобразные «доклады» соотечественников своей родине.

Форма и содержание историографических исследований были различны, что зависело от обстоятельств и условий их создания. В ряде случаев ученые анализировали литературу, охватывающую крупные исторические периоды и даже весь путь развития исторической науки в России (Е. Шмурло, Г. Вернадский), другие посвящали свои статьи отдельным представителям науки, третьи рецензировали вышедшие работы. Особое место занимают речи и выступления, посвященные памяти коллег, а также юбилейные сборники.

В связи с издательскими трудностями распространение получили так называемые «малые формы», нередко рецензии и статьи публиковались в литературно-художественных и публицистических журналах и даже в газетах. Такая форма, с одной стороны, давала возможность оперативно откликаться на появление новых публикаций, но, с другой стороны, для современных исследователей представляет большую сложность собрать весь материал воедино и дать более-менее полное представление об историографическом наследии.

К специальным историографическим работам можно отнести книгу Г.В. Вернадского³, статьи А.В. Флоровского⁴, Е.Ф. Максимовича⁵, А.А. Кизеветтера, Е.Ф. Шмурло и некоторых других. Г.В. Вернадский поставил перед собой двуединую задачу — проследить главные направления исторической мысли с XVIII в. по 1920-й г. и дать характеристику творчества ведущих русских историков. Автор подробно раскрывает вклад исследователей России в развитие исторической мысли, причем дает характеристики трудов и тех, кто оказался в эмиграции, — И.И. Лаппо, Р.Ю. Виппера, А.А. Кизеветтера, А.А. Васильева, О.А. Добиаш-Рожественской, А.М. Петрункевича и других. Необходимо

отметить, что в книге много места занимают биографии. По характеру эта работа ближе к учебному пособию, чем к научному исследованию.

Иного плана статья А.В. Флоровского «Русская историческая наука в эмиграции», в которой он одним из первых предпринял попытку проанализировать развитие исторической науки в русском зарубежье. Историк видел специфику развития исторической науки за границей во влиянии «географического» фактора, который обуславливал характер, темы и области работы; в замедленности темпов научной работы (действительные результаты эмиграция не могла давать сразу); влиянии местной научной среды и сосредоточении научной работы в центрах эмиграции. Наиболее благоприятные условия для продолжения научной работы, с его точки зрения, сложились в Праге и Белграде. Такая «очередность» отличается от общего представления о культурных центрах русского зарубежья, где первое место традиционно отводится Парижу. Ученый отмечает также такие особенности, как издание работ «малых форм» и публикации на многих языках.

Эти условия повлияли на содержание исследований. За исключением работ Е. Шмурло, основанных на источниках из ватиканских архивов, и исследований В.А. Францева, написанных на материалах чешских и русских рукописных собраний, историки не имели возможности опираться на новые архивные данные. Флоровский отмечает почти полное отсутствие работ источникового характера. Воспоминания, мемуары, документы о событиях последнего десятилетия, с его точки зрения, не являлись публикациями научного характера, правда, при этом говорит об их важности для историков и истории.

С точки зрения наличия архивов выгодным на первый взгляд казалось положение исследователей, занимавшихся всеобщей историей, но Флоровский отмечает, что за некоторым исключением в области археологии, истории Древнего мира, истории Византии (М.И. Ростовцев, Н.П. Кондаков, А.А. Васильев, М.А. Андреева) исследователи истории Европы создали немного, часть из них «ушла» в область философии, литературы. Основную причину такого положения Флоровский видел в общей неблагоприятной обстановке и эмигрантском существовании. На этом фоне самое заметное место в исследованиях заняло изучение истории славянских народов, истории права, искусства, взаимного сотрудничества.

История России в эмиграции, с точки зрения Флоровского, разрабатывалась «разнообразно», но это разнообразие было вынужденным и случайным. Неравномерность исследований автор объясняет личным составом ученых и условиями организации научной работы: историки вынуждены были учитывать местные научные потребности, интересы и возможности принявших их стран. Например, уехали из Болгарии П. Са-

вицкий, Н. Кондаков, так как здесь их курсы не вызвали интереса. Некоторые ученые, историки права России, перешли к изучению права стран-реципиентов, так как работали в государственных высших учебных заведениях. Так же поступили историки искусства.

По тематике несколько периодов истории России привлекли особенное внимание: начало Руси, летописание, крупными работами были представлены история Малороссии (В.А. Мякотин, София), Подкарпатской Руси (А.Л. Петров, Прага), но почти не было создано работ о Московской Руси.

На основе проведенного анализа Флоровский ставит задачу больше использовать возможности изучения истории народов стран-реципиентов, связей России и стран пребывания, особенно европейских, исследовать архивы стран рассеяния на наличие в них материалов по истории России. Кроме того, с точки зрения историка, исследователи должны были больше внимания уделять изучению результатов научной работы эмигрантов, так как вне Родины ученые могли работать более продуктивно, чем в России, где условия жизни и творчества были тяжелее из-за подавления свободы творчества.

В 1936 г. историографическую работу в «Современных записках» опубликовал Е.Ф. Максимович, которая как будто дополняет статью А.В. Флоровского, показывая «несвободу» творчества на Родине. Предметом его исследования стало состояние исторической науки в СССР. Максимович анализирует материалы первой всесоюзной конференции историков-марксистов, работы советских ученых и доказывает, что высказывание Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, по сути дела, означает отрицание истории как науки, а утверждение о невозможности объективной истории (А. Панкратова, Н. Кнорин) равнозначно превращению ее в публицистику.

Эти официальные установки определили, по мнению историка, развитие как самой марксистско-ленинской историографии, так и судьбу «буржуазной» исторической науки в СССР. Максимович отмечает, что представление исторической науки как фронта классовой борьбы поставило всех историков-немарксистов по ту сторону баррикад, и эта борьба шла на уничтожение инакомыслящих.

Проследивая отношение к историкам «старой школы», Максимович говорит о том, что они уже с первых шагов советской власти оказались на положении подозрительной социальной группы, принадлежали к категории классовых врагов пролетарского государства и поэтому были отстранены от преподавания в высшей школе. В 1918–1921 гг. от истощения, болезней, расстрелов скончалось около 200 человек, работавших в области гуманитарных наук, в том числе и историков. Но, как ни парадоксально, положение историков в этот период было благоприятнее, чем

в более позднее время, так как еще не было столь «удушающего гнета» в области творчества.

В годы НЭПа улучшение материального положения и некоторая стабилизация социальных связей позволили им вернуться к творчеству, публиковать результаты своих исследований в журналах и отдельными изданиями. Но эти благоприятные условия не были долговременными: начинаются трудности в опубликовании работ. Старшее поколение и молодые историки-немарксисты вынуждены были прекратить свою научную работу. Часть из них была поставлена в условия, когда возможность публиковать труды требовала сделки с совестью, но и этих жертв оказалось недостаточно.

С возникновением в 1926 г. общества историков-марксистов, и особенно с 1929 г. в связи с общим изменением внутренней политики советской власти и ликвидацией остатков НЭПа начинается «борьба с извращением истории буржуазной наукой». На первых порах эта борьба выражалась преимущественно в придании более резкого характера научной полемике с историками старой школы (например, дискуссия по поводу книги Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», книги Е.В. Тарле «Западная Европа в эпоху империализма»). На отдельных историков обрушились кары за научные контакты с коллегами-эмигрантами, за сотрудничество даже в таких строго специальных, лишенных политической окраски зарубежных изданиях, как сборники семинара Кондакова в Праге, посвященные византиноведению и археологии.

Борьба с представителями дореволюционной историографии была продолжена через реорганизацию научных структур. Наконец, последовали прямые репрессии против академиков С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, Н.П. Лихачева, Е.В. Тарле, профессоров Д.Н. Егорова, С.В. Рождественского, С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева и др. Причем если ГПУ не смогло организовать «процесса историков», то историки-марксисты устроили судилище над своими идейными антагонистами, несмотря на то, что сидевшие в тюрьмах оппоненты не могли им ответить.

С 1934 г. борьба на идейном фронте приобрела более мягкие формы: уцелевшие в тюрьмах и ссылках были возвращены, увеличилось число работ, не носящих штампа казенной идеологии. Начался «поход» на Покровского, одного из организаторов гонений на историков-немарксистов, но Максимович считал это «временным отступлением».

Историки русского зарубежья по мере возможности внимательно следили за состоянием науки на Родине, и Максимович одним из первых отметил «волнообразность» политики большевиков в области историче-

ской науки, в какой-то степени предсказал противоречивость ее развития в СССР⁶.

Российские эмигранты искали исторические аналогии потрясениям 1917-го года и находили их в Смуте, а Московское царство Ивана Грозного, и особенно опричнину, рассматривали как ее предпосылку. Поэтому мнение некоторых современных исследователей, которые, вслед за Флоровским, указывают на то, что московский период практически не исследовался, вызывает сомнение. С нашей точки зрения, в историографическом плане пробела не было. Невозможность работы с архивными материалами скорее способствовала, чем затрудняла осмысление литературы по этой теме.

В этом отношении выделяются работы А.А. Кизеветтера. Уже в первом библиографическом обзоре 1924 г. он дает краткий анализ работ С.Ф. Платонова и Р.Ю. Виппера. Историк отмечает, что в русской историографии литература об Иване Грозном то идеализировала царя (славянофилы, западники), то представляла его тираном с мелкой душой (Костомаров). По мнению Кизеветтера, многообразие этих оценок было обусловлено как противоречивостью первоисточников, так и принадлежностью исследователей к разным школам и направлениям. «Среднюю линию» впервые провел В.О. Ключевский. Не отрицая важности задуманных царем преобразований, целью которых были глубокие изменения в социальной и политической жизни, Ключевский в то же время показал душевную неуравновешенность и «надорванность» царя, которые губили начатое дело.

Если о монографии Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» Кизеветтер отзывается кратко как о новой идеализации царя, то работы С.Ф. Платонова, которого он считал лучшим специалистом по Смуте, анализируются достаточно подробно. Кизеветтер в первую очередь высоко оценивает попытку Платонова критически переосмыслить историографическое наследие и источники, отмечает новые моменты в подходах автора в сравнении с предыдущими работами. Новизна касалась определения не только социального, но и политического значения опричнины как предпосылки Смуты. Впервые утверждалось, что террор не был вызван государственной необходимостью. Но историк не соглашается с общими выводами Платонова о том, что во все периоды деятельности Иван Грозный представлял собой крупного политического деятеля с широким кругозором, властной волей и инициативой.

С точки зрения Кизеветтера, главная особенность Ивана IV была в обостренном стремлении к самовластью и неспособности жить и действовать самостоятельно: «Всю жизнь он провел пленником того или иного влияния. Это тяготило его и доводило до вспышек зверской ярости. Но он сбрасывал с себя один психический плен лишь для того, чтобы тотчас

поддаться другому». Здесь, по мнению историка, надо искать ключ и к его личной душевной драме, и к прихотливым поворотам его политической деятельности, в которой мысль ослеплялась страстью. Именно это стало причиной Смутного времени. Таким образом, Кизеветтер в данном обзоре больше склоняется к психологическим характеристикам царя. Но в последующих историографических заметках дается более глубокий анализ личности и эпохи Ивана Грозного⁷.

Историк еще раз обращается к истории Московской Руси в докладе, прочитанном на IV съезде русских академических организаций в Белграде в 1928 г., и опубликованной по этому докладу статье «Общие построения русской истории в современной литературе» (1931). Он дает сравнительный анализ работ Б. Нольде и И. Бунакова (первый отрицал какую-либо роль народных масс в строительстве Российского государства, второй, обвиняя предшествующую историографию в игнорировании специфики исторического развития России, говорил о полной поддержке народом преобразований, осуществляемых властью) и указывает на их общую черту — односторонний подход к истории.

Б.Э. Нольде, по мнению Кизеветтера, «талантливый и авторитетный ученый», воспроизводит весьма распространенный взгляд на общий ход политического развития России, между тем как этот взгляд не соответствует современному состоянию русской исторической науки. Автор говорит, что после разгрома Иваном III, Василием III, Иваном IV старой феодальной знати и после Смуты руководящая роль в политике сосредоточилась в руках провинциального служилого дворянства и отчасти торгово-промышленного класса. Ссылаясь на исследования Бахрушина и Смирнова, Кизеветтер не соглашается с выводами Нольде о том, что в XVII в. бунтовали только анархические элементы социальных низов, что реформы Петра I были навязаны исключительно сверху, выступает против пренебрежительного взгляда на Уложенную комиссию⁸.

Оппонируя Нольде, А.А. Кизеветтер обращает внимание на то, что главная причина стилизации им истории кроется в неразработанности ряда проблем, в частности — тех сторон жизни, в которых выразилось народное творчество: колонизация, развитие народного хозяйства, общественный быт. С точки зрения Кизеветтера, нельзя представлять русский народ как живущий «вне истории», он не может быть исключением из всех народов мира, и для него жизненный процесс заключается в совокупности последовательных изменений. Слабая разработанность проблемы участия народных масс в историческом творчестве привела, по мнению Кизеветтера, к оптической иллюзии, что весь процесс строительства шел сверху и совершался только властью. В данном случае Кизеветтер, как нам представляется, критиковал не только Нольде, но и П.Н. Милюкова, его «Очерки по истории русской культуры», юбилейное

издание которых вышло в 1929 г. и которые содержали в основном выводы предыдущих изданий о решающей роли государства в историческом строительстве в России.

Анализируя работу И.И. Бунакова, историк обращает внимание на прямо противоположную тенденцию, характерную для русской историографии от Соловьева до Ключевского, — постоянное подчеркивание своеобразия России, отличия ее исторического пути от европейского. Это, по его мнению, приводило к тому, что исследователи нередко принимали «относительное своеобразие жизненных форм за абсолютное своеобразие самого содержания исторической жизни», забывая, что один и тот же процесс может в связи с местными условиями принимать различные внешние формы, не изменяя своей сущности⁹. Таким образом, историк-эмигрант, анализируя новые публикации, определил новые направления в исследовательской работе, увидел большой потенциал развития науки.

В 1931 г. Кизеветтер вновь возвращается к освещению в литературе проблемы опричнины. В статье, написанной по поводу записок немца-опричника Штадена, вышедших на русском языке в 1925 г., А.А. Кизеветтер обращает внимание на то, что в науке можно найти многочисленные примеры, как исследователи пытаются ради «объективности» изобразить исторические потрясения в беспристрастных тонах, подчеркивая их закономерность и затушевывая их катастрофичность. По мнению автора, эти старания «почтенны и законны с научной точки зрения. Но на этом пути легко можно впасть в другую крайность и тем ископить историческую действительность». Начинается стилизация исторического прошлого, от которой могут предохранить источники, в которых «с натуры нарисована жизнь этой эпохи». Именно такое значение имеет публикация записок.

Кизеветтер объясняет многообразие суждений об эпохе Ивана Грозного тем, что историки в основу своих рассуждений клали либо «объективность» происходящих событий, либо «прихоть» царя. Между тем задача исследователя, по мнению автора, заключается в том, чтобы принять во внимание и основы переживаемой тогда Московской Русью эпохи, и личную душевную драму царя. Вскрыть соотношение этих факторов — в этом виделась историку задача исследователей, которую впервые поставил Ключевский и которая оставалась актуальной в 30-е годы¹⁰.

Рецензируя монографии Платонова о Смутном времени, Кизеветтер сравнивает дореволюционное издание «Очерков по истории Смутного времени» и книгу «Смутное время» (Прага, 1924). Отметив расширение источниковой базы, историк обращает внимание читателей на новые моменты: более подробно исследована деятельность ополчения Минина и Пожарского, последствия Смуты. Оценивая другую новую книгу Плато-

нова «Борис Годунов», Кизеветтер указывает на некоторую идеализацию царя, но отмечает, что она проведена с большим тактом, без искажения исторических фактов.

Историки-эмигранты вновь и вновь обращались к теоретическому наследию дореволюционной России. В статье, посвященной творчеству Карамзина, Кизеветтер отмечает, что затрудняется дать ответ на вопрос, установлена ли в нашей литературе твердая и определенная точка зрения на смысл и значение его деятельности. Поставив перед собой эту задачу, Кизеветтер обращает внимание на то, что автор был человеком своего времени, что у него была своя теория, основывающаяся на сознательном отрицании понятия исторической перспективы. И хотя рационализм XIX века уже пересматривался исследователями, Карамзин остался верен этой теории. Вывод историка оригинален: «Он [Карамзин] не находился в авангарде общественного движения. Но он и не плелся в хвосте его. Он предпочитал срединную гущу... он побуждал ее энергично и бодро двигаться вперед. И надо суметь оценить эту роль. Ведь если срединная гуща слишком заскорузла, если в ней мало людей, ее подталкивающих, то очень плохо приходится и авангарду, ибо он утрачивает базу»¹¹.

Иная оценка виднейшего представителя досоловьевского периода в историографии давалась в статье Е.Ф. Шмурло, посвященной С.М. Соловьеву. По мнению автора, «История государства Российского» — интересный рассказ, изложенный изящным языком и заинтересовавший русское общество его прошлым. Но одного рассказа, показа смены событий недостаточно, необходимо было уловить закономерность этой смены, причинные связи, а такого представления у Карамзина нет. С точки зрения Шмурло, взявшись за исторический труд, Карамзин остался литератором. И ценность его работы историк видел в примечаниях, приложениях, критическом изложении материала.

Раскрывая вклад Соловьева в историческую науку, Шмурло отмечает, что он первый внес в изучение русской истории принцип развития, первый осмыслил все наше прошлое, объединив отдельные моменты общей связью, показал роль государства, рассмотрел историю русского народа как народа европейского. Называя Соловьева «первостепеннейшим русским историком», «архитектором русской исторической науки», Шмурло видел его заслугу в том, что, опираясь на выводы современной ему западноевропейской историографии, Соловьев приложил эту методологию к познанию российской истории¹².

Значительная часть аналитического материала может быть почерпнута из выступлений на памятных собраниях или в юбилейных статьях. Например, в связи с 70-летием П.Н. Милокова в 1929 г. был выпущен специальный сборник статей, авторами которых стали В. Мякотин, А. Кизеветтер, Д. Одинец, Н. Кноррин, П. Бицилли и др. Характеризуя

статьи, нужно отметить, что авторы оценивают созданное Милюковым до войны и революции и специально его творчество в изгнании не рассматривают.

Представляется, что это было не случайностью, а скорее принципиальной позицией. Историки русского зарубежья в соответствии с традицией не считали публикации, посвященные анализу событий недавнего прошлого, научными работами, причисляя их к публицистике. Поскольку авторы, как правило, были активными участниками этих событий, историки отказывали им в объективности при освещении происшедшего. К примеру, Мельгунов в довольно резкой рецензии на работу Милюкова эмигрантского периода говорит, что автор выступает в них скорее как политик и публицист, чем историк, допускает неточности из-за недостатка материала, упускает многие аспекты, преувеличивает значение некоторых событий¹³. Примечательно, что и в поздравлении Е.Ф. Шмурло П.Н. Милюкову содержится пожелание «вернуться на чисто историческую дорогу»¹⁴. Хотя к этому времени Павел Николаевич опубликовал целый ряд крупных работ по истории русской революции и гражданской войны, Шмурло не считал их научными исследованиями.

Юбилейный характер издания несколько сглаживал критику, но интересно отметить, что в ряде статей оценка творчества Милюкова давалась в нетрадиционном ключе, с новых методологических подходов. В частности, П.М. Бицилли оценивал вклад Милюкова в русскую историографию с точки зрения теории синтеза. Причем синтез историк видел не только в том, что «Очерки» раскрывали все стороны народной жизни, но и в том, что, несмотря на оригинальность работы, она продолжала научные традиции. С его точки зрения, П.Н. Милюков от западников воспринял идею элементарности русского исторического процесса, от славянофилов — идею его своеобразия. Заслугу Павла Николаевича он видел в том, что он смог преодолеть обе эти теории в некотором их синтезе¹⁵. Приближаясь по общим выводам к западникам, Милюков, с точки зрения Бицилли, понял славянофилов «глубже и интимнее», чем его современники, проник в сущность этого учения и преодолел его «изнутри». Усвоив центральную идею славянофилов о том, что разрыв между интеллигенцией и народом произошел на почве религии, Милюков, в отличие от них, доказал, что этот разрыв был исторической необходимостью, связанной с секуляризацией русской культуры, а не результатом деятельности одного человека.

Исследуя православие как фактор, сформировавший русскую культуру, Милюков отметил слабость православной церкви, которая оказалась неспособной ни ассимилировать культуру той среды, в которую она попала, ни искоренить старое русское язычество. Поэтому православие заняло оборонительную позицию и действовало на народ своими внешни-

ми обрядовыми формами, идейная же сторона религии для народа осталась неизвестной. Если во Франции католичество пронизывало всю систему, то и секуляризация культуры произошла в результате борьбы с церковью, в ходе которой были выработаны новые идеалы. В Англии церковь приспособлялась, эволюционировала, превратившись в национальную. В России же церковь не смогла ни приспособиться, ни эволюционировать, поэтому секуляризация породила религиозный индифферентизм. Разрыв между народом и интеллигенцией свелся к тому, что народ остался при своей «бытовой» вере, интеллигенция осталась без веры.

Рассматривая эти выводы «Очерков», П.М. Бицилли утверждает, что концепция русского исторического процесса в них односторонняя, что характеристика интеллигенции, данная Милюковым, не применима ко всем ее представителям. С его точки зрения, истинные представители русской культуры «отличаются необыкновенной напряженностью и глубиной своих религиозных исканий...», разрыв существует не только между интеллигенцией и народом, но и между интеллигенцией и ее вождями.

Не согласен Бицилли и с утверждением Милюкова, что без социологического метода исторической науки не существует, так как наука — это система понятий. По его мнению, пользуясь социологическим методом, нельзя упускать из вида, что наука должна считаться «со всеми фактами, что если известные факты нарушают ценность исторической концепции, то историк должен отказаться от нее, или попытаться ее видоизменить, дополнить, или ограничить»¹⁶. Таким образом, даже в «парадных» изданиях историки не избегали ставить острые вопросы, отстаивая свой взгляд на проблемы развития исторической науки.

Иная тональность характерна для выступлений и работ, посвященных памяти коллег. В 1937 г. вышел сборник трудов Русского исторического общества в Праге, посвященный Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтеру и Б.А. Евреинову. Статьи А.В. Флоровского о Кизеветтере, В.В. Саханева о Шмурло и С.Г. Пушкирева о Евреинове содержат не только биографические данные, не только раскрывают общественно-политическую деятельность коллег в России и за рубежом, но и дают анализ основных работ исследователей, показывают вклад ученых в историческую науку¹⁷.

Анализируя эти статьи, следует отметить тот факт, что ушедшие из жизни ученые представляли собой типичные фигуры русского научного зарубежья. Кизеветтер и Шмурло относились к старшему поколению, уже зарекомендовавшему себя в научном мире до революции, Евреинов как ученый сформировался в эмиграции. Если до революции Кизеветтер занимался изучением проблем XVIII и начала XIX в., то в эмиграции его деятельность была связана с историографией, рецензированием работ коллег, созданием исторических портретов, написанием воспоминаний.

Судя по характеру этих работ, мы можем предположить, что историку, высланному из страны в 1922 г., не удалось взять даже свои архивные копии, подготовительные материалы. Именно этим можно объяснить, почему крупнейший историк в эмиграции не создал значительных работ.

Другое положение было у Е.Ф. Шмурло. Будучи ученым корреспондентом Академии наук в Риме, он до 1924 г. занимался сбором и публикацией архивных материалов, связанных с историей России, в Ватикане, Риме, Неаполе, Флоренции, Милане, Вене, Париже, на Мальте. В этот период он считал себя не вправе использовать время на собственную научную работу, которая в полной мере развернулась только в период эмиграции. Главную заслугу Шмурло перед наукой В. Саханев увидел в открытии итальянских архивов для русской истории и в накоплении огромного материала, начало разработке которого положил Е.Ф. Шмурло и который еще предстояло освоить. Как «немаловажный» оценивает Саханев и вклад Шмурло в разработку общих вопросов исторической науки и конкретных проблем российской истории — методологических основ науки, роли идей и идейных течений, личность и общество в истории, соотношение экономического и духовного факторов.

Уже сложившимся человеком пришел в науку Б.А. Евреинов. Выпускник Санкт-Петербургского университета, он работал до революции мировым судьей в Львовском судебно-мировом округе, служил в Добровольческой армии. В 1927 г. выдержал магистерские испытания при Русской академической группе в Праге (руководитель А.А. Кизеветтер) и получил должность приват-доцента на кафедре русской истории. Научные работы Евреинова основывались на данных, извлеченных из архивов Министерства внутренних дел Чехословакии, Пражского полицейского и Пражского городского архивов, архива князей Шварценбергов в Тржебони и Чешском Крумлове, архива графов Черниных в Индржиховом Градце. Сферой научных интересов Бориса Алексеевича была история России XIX в.: эпоха Александра I, движение декабристов, происхождение и характер русской общины, личность и деятельность М.А. Бакунина. Оценивая созданное Евреиновым, Пушкарев соглашается с мнением А.В. Флоровского о «незаконченности и отрывочности» его наследия, но вместе с тем подчеркивает, что его работы представляют существенный вклад в науку.

Таким образом, крупных историографических работ, созданных в эмиграции, немного, но это «компенсировалось» библиографическими обзорами, рецензиями в газетах и журналах, выступлениями и публикациями, посвященными юбилейным или памятным датам, некрологами. В совокупности они дают достаточное представление о вкладе эмигрантов в разработку проблем историографии.

Анализируя историографические работы историков-эмигрантов, следует учитывать условия, в которых они были созданы. В отборе материала, в оценочных моментах совершенно четко прослеживается мысль о том, что самое ценное создано до революции и продолжено изгнанниками за рубежом. Отсюда нередко завышенные оценки трудов своих коллег в эмиграции и, наоборот, негативное отношение к тому, что создавалось в советской России. Правда, в более поздних оценках, в 50–60-е гг., историки-эмигранты «первой волны» (А. Флоровский) признавали вклад в развитие исторической науки советских исследователей, причем делали упор на введение ими в научный оборот новых источников, разработку новых тем. Характерно, что подобное частичное признание вклада в науку историков-эмигрантов делалось и советскими исследователями (Л.П. Лаптева, В.Т. Пашуто). Но в том и другом случае отрицалась методологическая составляющая работ.

¹ См.: *Пашуто В.П.* Русские историки-эмигранты в Европе. М. 1992; *Вандаковская М. Г.* П. Н. Миллюков и А. А. Кизеветтер: история и политика. М. 1992; *Она же.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., Памятники исторической мысли. 1997; *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940: В 2 тт. Т. 1. М., С. 95–100.

² *Аксенова Е.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии // *Русская эмиграция в Югославии.* 1996. С. 155.

³ См.: *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998.

⁴ См.: *Флоровский А.В.* Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) // *Труды V съезда Русских академических организаций за границей.* Ч. 1. София, 1932. С. 467–484.

⁵ См.: *Максимович Е.Ф.* Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // *Современные записки.* Вып. 2. Париж, 1936. С. 409–420.

⁶ Такой же подход мы обнаруживаем в работе *П.К. Урбана* «Смена тенденций в советской историографии». Мюнхен, 1959.

⁷ См.: *Кизеветтер А.А.* История русская и всеобщая // *Русская зарубежная книга.* Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага, 1924. С. 60–95.

⁸ См.: *Кизеветтер А.А.* Общие построения русской истории в современной литературе // *Труды IX съезда Русских академических организаций за границей в Белграде, 16–23 сентября 1928 года.* Ч. 1. Белград, 1929. С. 139–140.

⁹ См.: *Кизеветтер А.А.* Общие построения русской истории в современной литературе // *Исторические силуэты. Люди и события.* Берлин, 1931. С. 304.

¹⁰ См. об этом: *Кизеветтер А.А.* Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // *Сборник Русского института в Праге.* Вып. 2. Прага, 1931. С. 7–28.

¹¹ *Кизеветтер А.А.* Карамзин как двигатель русской культуры // *Сборник Русского института в Праге.* Вып. 1. Прага, 1929. С. 145–160.

- ¹² Шмурло Е. Ф. С.М. Соловьев // Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1. Белград, 1930. С. 279–296.
- ¹³ Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова (по поводу «Россия на переломе»): Критико-библиографический очерк. Париж, 1929. С. 7, 9, 90.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 240. Л. 6.
- ¹⁵ См. об этом: Бицilli П. Философия русской истории в трудах П. Н. Милюкова // П.Н. Милюков. Сб. материалов по чествованию его семидесятилетия, 1859–1929. Париж, б/г. С. 83.
- ¹⁶ Там же. С. 85–89.
- ¹⁷ См.: Записки Русского исторического общества. Вып. 3. Прага; Нарва, 1937.